

Е.Т.Гайдар

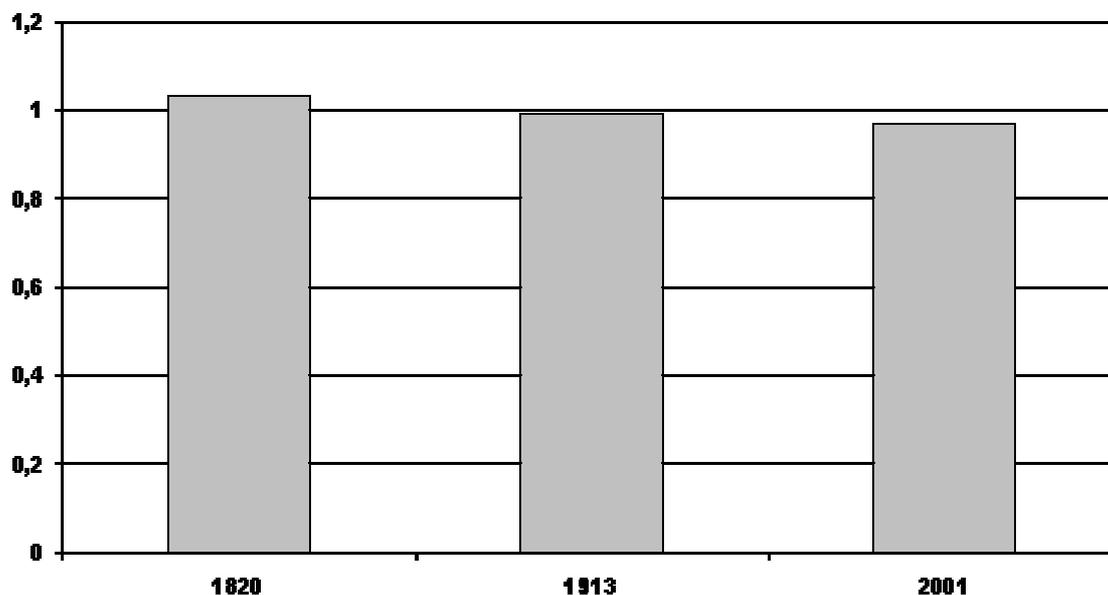
О современном экономическом росте и догоняющем развитии

В дискуссиях о долгосрочном экономическом росте в нашей стране, нередко обсуждается тема: при каких темпах и в какие сроки Россия догонит Португалию? Не обсуждается другой вопрос: что случится, если мы догоним эту страну, и что будет происходить потом: уйдем далеко вперед? отстанем снова? Участникам этой дискуссии можно напомнить, что Россия один раз Португалию по душевому ВВП уже догоняла: в конце 1930-х годов. Не слышно, чтобы кто-то крупно выиграл в результате этого факта. В конце 60-х годов XX века, когда выявились долгосрочные проблемы, порожденные социалистической моделью индустриализации, мы вновь от Португалии отстали. Продолжалось отставание вплоть до окончания прошлого, XX века. Что, и в наступившем веке нам предстоит бегать с Португалией наперегонки?

1. Россия и другие страны на фоне длительной исторической перспективы

Если обсуждать проблемы долгосрочных перспектив России, важно проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или десяти лет, а на длительной исторической дистанции, на протяжении последних двух веков. Рассматривая эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, можно убедиться, что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднем мировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913-м, и в 2001 году (см. *график 1*).

Отношение душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 годах

Источник : 1. За 1820 и 1913 годы – *A. Maddison. The World Economy. A Millenial Perspective*. 2. За 2001 год – расчеты ИЭПП на основе данных А. Maddison. 3. Реконструкция данных Мирового банка на период до 1950 года дает сходные результаты в пределах точности расчетов.

График 1

Причины выбора этих дат объяснить нетрудно. Большинство исследователей относят начало современного экономического роста – процесса резкого ускорения темпов экономического развития, сопровождаемого масштабными сдвигами в структуре экономики и социальных отношениях, к 20-м годам XIX века [1]. 1913 год – высшая точка развития России в рамках царской империи, 2001 год – максимально приближенная к сегодняшнему дню дата, по которой имеются данные.

Между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран-лидеров мирового экономического развития (в XIX веке – Англия, в XX веке – Соединенные Штаты Америки), в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили в достаточно узком интервале (см. табл. 1).

Таблица 1

Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран-лидеров современного экономического роста*

Годы	1820	1870	1913	1950	1990	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,31	0,25

*1820-1870 годы – Англия, 1913-2001 годы – США.

Источники: 1. *A. Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992*, OECD 1995 (данные с 1820 по 1950 г од). 2. *World Development Indicator Database*, World Bank, 2002 (данные за 2001 г од).

Сегодня внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX века. При этом нередко забывают, что падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 годом и 70-ми годами XX века. Сегодня, после четверти века динамичного роста, доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 году, а душевой ВВП Китая составляет примерно половину среднемирового (в 1820 году он был на среднемировом уровне).

На этом фоне близость российских показателей к среднемировым значениям достойна внимания. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Понятие современного экономического роста ввел в научный оборот американский экономист, лауреат Нобелевской премии С. Кузнец. Он относил начало этого процесса к концу XVIII века [2]. Сейчас наиболее авторитетные исследователи склоняются к тому, чтобы датировать его начало 20-ми годами XIX века – периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Что важно – это резкое ускорение темпов роста мировой экономики и душевого ВВП на рубеже

XVIII и XIX веков, происходящее на фоне глубоких структурных изменений в занятости, расселении, демографии.

В регионе, который на протяжении предшествующего тысячелетия развивался аномально быстро, – в Западной Европе, на удвоение душевого ВВП в период, предшествующий современному экономическому росту, потребовалось восемь веков (примерно с 1000-го по 1800 год). В Соединенных Штатах Америки, лидере современного экономического роста в XX веке, среднегодовые темпы роста продуктивности в течение последних двух веков составляли около 2%. Это означает, что на протяжении жизни одного поколения (75 лет) душевой валовой внутренней продукт увеличивался более чем в 4 раза.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, различным уровнем ресурсной обеспеченности, географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих процессов, выстроенных по сходным сценариям, дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих предвидеть логику происходящего в мире, стало стержнем марксизма – учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX – начале XX века. Вместе с тем XX век выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознано ни К. Марксом, ни марксистами. Ему сопутствуют быстрые и труднопрогнозируемые изменения доминирующих тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

История социально-экономической мысли последних двух веков отмечена целым рядом великих ошибок мыслителей, пытавшихся экстраполировать выявленные ими тенденции на перспективу. Это и Т. Мальтус с прогнозами перенаселения и обнищания, базировавшимися на реальных фактах раннего этапа демографического перехода, связанного с ростом продолжительности жизни, падением смертности, опережающим падение рождаемости. И К. Маркс с прогнозами абсолютного и относительного обнищания пролетариата, социальной дестабилизации и крушения капитализма, опиравшийся на реальные социальные проблемы ранних этапов современного экономического роста. Й. Шумпетер, предсказавший в своей работе «Капитализм, Социализм и Демократия» угасание предпринимательства, бюрократизацию экономической жизни, находился под впечатлением реалий капитализма эпохи конвейерного производства [3].

До конца XIX века при обсуждении ключевых финансовых проблем доминировало представление о невозможности превзойти сложившиеся тогда верхние пределы налогообложения. Эта парадигма была поставлена под сомнение в 70-х годах XIX века А. Вагнером, сформулировавшим гипотезу о нарастании, по мере экономического развития, доли перераспределяемых государством доходов в объеме экономической деятельности [4]. Резкое расширение возможностей современного государства на фоне роста благосостояния позволило в XX веке значительно увеличить долю государственных изъятий в валовом внутреннем продукте. Между 1910–1970 годами представление о безграничности возможностей наращивания государственной нагрузки на экономику стало почти общепринятым в экономической литературе. Те исследователи, которые пытались сформулировать гипотезы о наличии и в условиях индустриального общества верхних пределов налоговой нагрузки, совместимых с экономическим ростом, терпели интеллектуальные поражения.

Начиная с 70-х годов ситуация меняется. Выясняется, что в наиболее развитых государствах при выходе норм налогообложения на уровень, близкий к 50% ВВП, возникают проблемы, связанные с политической мобилизацией налогоплательщиков, распространением теневой экономики, замедлением экономического роста, утратой международной конкурентоспособности.

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что процесс повышения норм налоговых изъятий с уровней, характерных для аграрных обществ (примерно 10% ВВП), на те, которые доступны высокоразвитым постиндустриальным экономикам (30–50% ВВП), носил переходный характер. Прогнозировать развитие этого процесса до его завершения было практически невозможно.

У. Черчилль, защищавший золотовалютный стандарт в Великобритании после окончания Первой мировой войны и проводивший дефляционную политику, чтобы восстановить довоенный паритет фунта стерлинга с золотом, опирался на двухвековую практику подобной традиции в своей стране, которая сделала ее мировым экономическим лидером. Он лишь повторял то, что было сделано после наполеоновских войн. Но в изменившихся условиях такая политика подталкивала мир к одному из самых масштабных кризисов в экономическом развитии прошедшего века – Великой депрессии. Золотовалютный стандарт, сыгравший роль важного инструмента запуска современного экономического роста, оказался несовместимым со следующими стадиями роста.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, для которого характерны быстрые смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического прогресса. Страны, начавшие современный экономический рост в первые десятилетия XIX века, и государства, в которых этот рост и связанные с ним изменения начались позже, находятся в разном положении [5]. Опыт первых – лидеров – позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые – их называют странами догоняющего развития – столкнутся в будущем.

2. Страны–лидеры и страны догоняющего развития

Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. То, что России на протяжении следующих 50-ти лет предстоит справляться с проблемами, которые страны-лидеры современного экономического роста решали на протяжении последней половины XX века, на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, – можно утверждать с высокой степенью вероятности.

А. Смит – один из величайших экономистов в мировой истории – избежал многих ошибок, характерных для его последователей именно потому, что анализировал проблемы догоняющего развития [6]. Проблемы и перспективы экономического лидера современной ему Европы – Голландии – А. Смита не интересовали. Он считал, что Голландия вышла на пределы возможной производительности и дальше будет стагнировать [7].

У К. Маркса представление, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Он писал: «Дело здесь, само по себе, не

в более или менее высокой степени развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства. Дело в самих этих законах, в этих тенденциях, действующих и осуществляющихся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [8] . Однако К. Маркс недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран догоняющего развития от траектории движения стран-лидеров, которые отчетливо проявились уже в XX веке.

Первый из них – сама дистанция от лидеров. Распространение знаний, технологий, порожденных современным экономическим ростом, носит неравномерный характер. Массовое применение в странах догоняющего развития современных противозидемических средств идет значительно быстрее, чем распространение производственных технологий. Снижение смертности, рост продолжительности жизни происходит на более низких уровнях экономического развития, при длительном сочетании низкой смертности и высокой рождаемости. Отсюда тенденция увеличения в мировом населении доли стран, начавших современный экономический рост существенно позже, чем лидеры.

Второй фактор – условия глобального развития, которые задаются лидерами. Страны-лидеры проходят различные этапы структурных трансформаций, оказывающие влияние на всю мировую экономику. В 70-х годах XIX века – начале 10-х годов XX века она существовала в условиях глобального рынка товаров и капитала, основанного на золотовалютном стандарте, что влияло на выбор экономической стратегии в странах, которые вступали в процесс современного экономического роста в эти десятилетия. В 1914–1950 годах мировая динамика находилась под воздействием войн, кризиса золотовалютного стандарта, протекционистской политики. Это задавало границы маневра для стран догоняющего развития, подталкивало их к выбору протекционистской политики, стратегии импортозамещающей индустриализации. Во второй половине XX века мир вступает в эпоху глобализации, снижения ставок таможенных тарифов, открытия рынка капитала, но уже не в условиях золотовалютного стандарта, а при плавающих курсах ведущих мировых валют. Это создает новые возможности для выбора стратегии развития, ориентированной на рост экспорта, интеграцию в глобальную экономику.

В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как складывается ситуация в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые будут проявляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за ними.

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, – национальные традиции, доставшиеся в наследство от аграрных цивилизаций. Семейные отношения, возникшие в прошлом тысячелетии в Западной Европе, отличаются от тех, которые характерны для исламских стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство. Распространенность узкой или широкой семьи, обычаев семейной солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, на национальные нормы сбережения, экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется сталкиваться, чтобы минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

Если бы популярность марксизма в России сегодня была такой же, как в начале XX века, был бы задан следующий контекст обсуждения долгосрочных проблем национального развития: тенденции трансформации социально-экономических установлений в странах–лидерах экономического роста; способность российских национальных институтов соответствующим образом адаптироваться; мероприятия, осуществление которых позволит приспособить российские установления к перспективным проблемам экономического развития [9] .

Крах социалистического эксперимента серьезно подорвал популярность марксизма в России. Но с водой не надо выплескивать ребенка. Анализ опыта социально-экономического развития наиболее передовых стран за последние полвека важен для понимания тех проблем, с которыми будет сталкиваться Россия в первой половине XXI столетия.

Сравнив сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран–лидеров экономического роста можно увидеть размеры разделяющей нас дистанции (см. *табл. 2*).

Таблица 2

Годы, в которые душевой ВВП в странах–лидерах современного экономического роста равнялся российским показателям

2001 года

Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источник: 1. ВВП на душу населения в России за 2001 года – данные из World Development Report, World Bank, 2003, приведенные к долларам Geary- Khamis 1990 года. 2. Данные по душевым ВВП остальных стран — см. *A.Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992. OECD, 1995.*

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности ограничена, обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но данные, содержащиеся в *табл. 2*, показывают, что дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного периода времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеет смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они

оказались втянутыми в XX веке в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Таблица 3

Отставание России по уровню душевого ВВП* от Германии и Франции (лет)

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	» 60	63	46	50
Германия	» 60	63	55	48

* Применительно к России здесь и далее душевой ВВП до 1913 года – Российская империя в границах СССР, для 1950 года – СССР, для 2001 года – Российская Федерация.

Источники: 1. Данные о душевом ВВП за 1870–1950 годы – см. *A. Maddison . Monitoring the World Economy 1820–1992. Development Center Studies. OECD, 1995.*

2. Данные о душевом ВВП за 2001 год – см. *World Development Report 2003. The World Bank. Данные приведены к долларам Geary- Khamis 1990 года.*

Содержащиеся в *табл. 3* данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков [10] .

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие структурные изменения национальных экономик.

Таблица 4

Доля городского населения в общей численности населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы			
	1850 – Россия, 1800 – Германия, Франция.	1910 – Россия, 1850 – Германия, Франция	1950 – Россия, 1910 – Германия, Франция	2000 – Россия, 1950 – Германия, Франция
Россия	7	14	44,7	77,7
Германия	9	15	49	71,9
Франция	12	19	38	56,2

Источник: 1. За 1800–1900 годы: *P. Vairoch. Cities and economic development: from the dawn of history to the present. Chicago, 1988;* 2. За 1950–2000 годы – база данных ООН: <http://esa.un.org/unpp>.

Табл. 4, содержащая данные о динамике доли городского населения России, Германии и Франции на протяжении последних двух веков с лагом в 50 лет, показывает сходную картину эволюции этого показателя – Россия отстает примерно на два поколения (50 лет).

**Доля занятых в сельском хозяйстве в численности занятого населения в
Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)**

Страны	Годы		
	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция.	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	59,11 (1897) ^(*)	45,83 (1959)	12,26 ⁽³⁾
Германия	-	36,84 (1907)	23,63 ⁽²⁾
Франция	51,72 (1856)	41,43 (1901)	24,06 ⁽²⁾

*Здесь и далее в таблице в скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник: 1. (если иного не указано) *B. R. Mitchell*. International Historical Statistics 1750–1993. Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Groningen Growth&Development Center Sectoral database: <http://www.eco.rug.nl/ggdc>; 3. Российский статистический ежегодник, Госкомстат России 2002

Таблица 6

Доля занятых в промышленности в численности занятого населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	13,87 (1897) ^(*)	40,27 (1959)	22,70 ⁽²⁾
Германия	-	33,84 (1907)	35,21 ⁽³⁾
Франция	23,30 (1856)	26,53 (1901)	26,82 ⁽³⁾

*Здесь и далее в таблице в скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к указанному).

Источник: 1. (если не указано иного) *B. R. Mitchell*. International Historical Statistics 1750–1993. Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 2002. 3. Groningen Growth&Development Center Sectoral database: <http://www.eco.rug.nl/ggdc>.

Табл. 5 и 6 демонстрируют сходные структурные изменения в занятости. Более быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве России связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации. Масштабное перераспределение ресурсов из аграрного сектора для финансирования капиталовложений в промышленность создало в СССР мощные стимулы к бегству крестьян из деревни.

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении полутора веков, в эпоху глубоких социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее на протяжении этого времени дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась стабильной и составляла примерно два поколения (50 лет). Начав современный экономический рост на два поколения позже, чем Западная Европа, в 80-х годах XIX века, Россия на протяжении почти

полтора веков сохраняла сложившуюся дистанцию. Из этого нельзя, конечно, делать вывод, что соответствующий лаг задан навсегда. Но анализ развития социально-экономических процессов на протяжении последнего полувека в странах–лидерах экономического роста полезен для оценки долгосрочных перспектив России.

В. Истерли продемонстрировал уязвимость существующих моделей, объясняющих различия темпов экономического развития национальных экономик [11]. Он показал, что какой бы из основных факторов, влияющих, как принято считать, на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т.д.), ни взять, всегда найдется набор стран, где при наличии данных факторов и соответствующих их значений роста не было. Он ввел в оборот не очень точный, хотя и интересный термин: «способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост». Наложив это представление на реалии российского развития последних полутора веков, можно сказать, что способность российских социально-экономических институтов обеспечить экономический рост была на протяжении всего этого периода на среднемировом уровне.

Приняв гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, можно предположить, что через 50 лет уровень жизни, ее стиль, структура занятости, инфраструктура будут в России примерно такими же, какие они сегодня во Франции или Германии. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, т.е. такими же, как развивалась мировая экономика на протяжении последнего полувека. Если российская экономика в течение ближайших десятилетий будет развиваться так же, как в настоящее время, т.е. темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, сократив отставание по отношению к лидерам до одного поколения.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров, нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Оно позволяет, во-первых, представить, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров. И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

3. Демографическая динамика России: специфическое наследие социализма

То, в чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик отличалось от траектории развития лидеров – это демографическая динамика (см. табл. 7).

Таблица 7

Доли стран в мировом населении (%)

Страны	Годы			
	1900 ⁽²⁾	1950	2000	2050
Россия	4,31 ⁽³⁾	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59

Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Источник: 1. (если не указано иного) Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp> (для 2050 года умеренный прогноз). 2. Development Centre Studies. Monitoring the World Economy 1820–1992 by A.Maddison. OECD, Paris, 1995. 3. Отношение численности населения России в 1897 году (по источнику 4), отнесенное к численности населения мира в 1900 г. (по источнику 2).

4. Население России за 100 лет (1897–1997), Госкомстат России. М., 1998.

Снижение доли России в численности населения земного шара – явление не уникальное. На протяжении последнего века также неуклонно снижались доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами. Наше отличие в том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в мировом населении в начале XX века, должна была, при инерционном развитии событий, иметь к концу XX века удельный вес в численности населения существенно больший, чем тот, который она имеет сейчас.

То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война, коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Таблица 8

Доля женщин в общей численности экономически активного населения (%)

Страны	Годы		
	1900 ⁽¹⁾	1950 ⁽²⁾	2000 ⁽²⁾
Германия	30,7(1907)	38,9	42,3
Россия	16,4(1897)	51,5	49,2
Франция	35,3(1901)	31,8	45,1

* Здесь и далее в таблице в скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник: 1. Рассчитано по: *B. R. Mitchell*. International Historical Statistics 1750–1993, Macmillan Reference LTD, 1998; 2. Рассчитано по сведениям United Nations Common Database, Economically active population by sex, 13 age groups (ILO estimates/projections).

Данные, содержащиеся в табл. 8, позволяют показывать, что социалистическая индустриализация предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства. Уже в 1950 году доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она была во Франции и Германии к 2000 году на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные табл. 9 показывают, как этот процесс развивается в России, Германии, Франции и Испании [12]. С точки зрения демографических процессов, связанных с современным экономическим ростом, падение среднего числа рождений на одну женщину начинается в России примерно на два поколения раньше, чем в странах-лидерах.

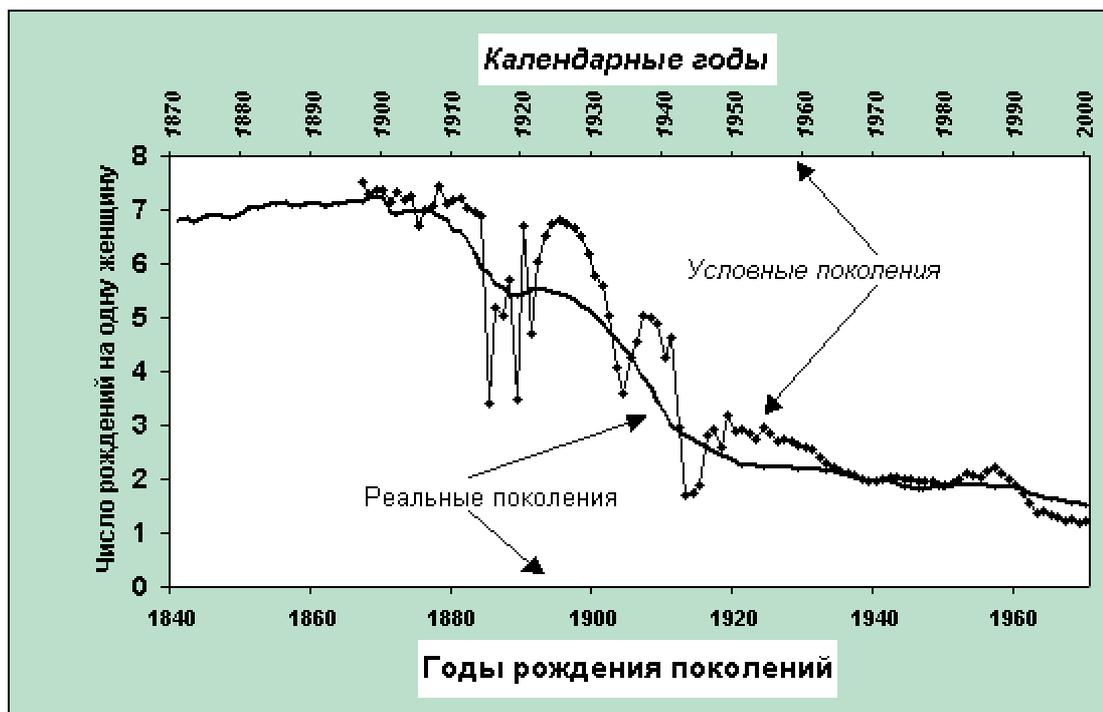
Таблица 9

Общий коэффициент фертильности (число рождений на одну женщину)

Страны	Годы		
	1950–1955	1975–1980	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Источник: база данных ООН: <http://esa.un.org/unpp>.

Статистика рождаемости искажается из-за влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами. Данные С. Захарова по числу рождений, приходящихся в России на одну женщину по реальным возрастным когортам, приведенные в табл. 10, и построенный на их основе график 2 показывают связь траектории демографического перехода с социалистической моделью индустриализации.

Источник: 1. Захаров С.В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход / «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», тезисы докладов научной конференции, Москва, 27–28 февраля 2002 г. М., ЦДЭЧ РАН, 2002. С. 19–26. 2; Материалы, любезно предоставленные С.В. Захаровым.

График 2

Таблица 10

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России* (женские поколения 1841–1970 гг. рождения, календарные годы – 1896–2000 гг.)

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы**	Итоговая рождаемость условных поколений
1841-1845	6,84		
1846-1850	6,90		
1851-1855	7,08		
1856-1860	7,11		
1861-1865	7,12		
1866-1870	7,20	1896-1900	7,30
1871-1875	6,96	1901-1905	7,12
1876-1880	6,85	1906-1910	7,17
1881-1885	6,20	1911-1915	6,30
1886-1890	5,49	1916-1920	5,23
1891-1895	5,50	1921-1925	6,16
1896-1900	5,23	1926-1930	6,38
1901-1905	4,59	1931-1935	4,51
1906-1910	3,66	1936-1940	4,74
1911-1915	2,82	1941-1945	2,60
1916-1920	2,46	1946-1950	2,89
1921-1925	2,25	1951-1955	2,86
1926-1930	2,20	1956-1960	2,67
1931-1935	2,15	1961-1965	2,33
1936-1940	2,01	1966-1970	2,03
1941-1945	1,91	1971-1975	2,01
1946-1950	1,85	1976-1980	1,93
1951-1955	1,89	1981-1985	2,02
1956-1960	1,87	1986-1990	2,08
1961-1965	1,71***	1991-1995	1,48
1966-1970	1,56***	1996-2000	1,23

* Итоговая рождаемость для условных поколений.

** Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30-ти лет когортами, указанными в левой части таблицы.

*** Предварительная оценка.

*Источник: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С.166; а также неопубликованные расчеты авторов, любезно предоставленные Е.М. Андреевым. Итоговая рождаемость для реальных поколений 1909–1970 годов рождения рассчитана С.В. Захаровым прямым методом на основе переписей населения 1979 и 1989 гг., дополненных специально обработанными данными текущего учета рождений. Для поколений до 1909 г.р. применялся косвенный метод, использующий длинные ряды чисел родившихся и оценки дожития до среднего возраста матерей (см. Блюм А., Захаров С. Демографическая история СССР и России в зеркале поколений / /Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНИ РАН. № 17. 1997. Перепечатано: *Мир России*. Т. 4, 1997. С. 3–11; *Энергия*, 1998. № 2. С. 42–46).*

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности мирового населения, также связан с социалистической моделью индустриализации. До середины 60-х годов отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России и в странах–лидерах современного

экономического роста (табл. 11). С середины 60-х годов этот процесс прекращается [13]. Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет – необычный в мировой демографической истории факт.

Таблица 11

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Страны	Годы					
	1950–1955	1960–1965	1970–1975	1980–1985	1990–1995	1995–2000
Россия	64,5	67,9	69,7	68,3	66,9	66,1
США	68,9	70,0	71,5	74,0	74,9	76,2
Япония	63,9	69,0	73,3	76,9	79,5	80,5
Англия	69,2	70,8	72,0	74,0	76,4	77,2
Франция	66,5	71,0	72,4	74,7	77,5	78,1
Германия	67,5	70,3	71,0	73,8	76,2	77,4

Источник : Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

Здесь сыграли роль два фактора. Демографы давно выявили связь питания женщины во время беременности и питания ребенка в первые годы жизни со средним ростом нового поколения и продолжительностью предстоящей жизни. Применительно к возрастным когортам, родившимся между концом 20-х и началом 50-х годов, данные показатели существенно хуже, чем у предшествующих и последующих поколений. Риск умереть в 30–40-летнем возрасте у мужчины, родившегося в середине 20-х годов, когда подавляющая часть рождений приходилась на семьи свободных крестьян, был примерно в 2 раза ниже, чем у родившегося в конце 40-х – начале 50-х. Лишь с середины 50-х годов эти показатели существенно улучшаются [14]. Связь этих данных с коллективизацией и Второй мировой войной очевидна.

Таблица 12

Потребление алкоголя на душу населения старше 15 лет в переводе на чистый спирт в 1960–2000 годах (литры)

Годы	Страны		
	Россия	Франция	Германия
1960	4,88 ⁽²⁾	32,62 ^(*)	10,71 ^(*)
1970	10,38 ⁽²⁾	33,87	15,11
1980	13,40	33,34	16,18
1990	7,09	22,60	14,67
1999	10,80	19,87	12,99

*1961 год.

Источник: 1. Если не указано иного: <http://www3.who.int/whosis>. WHO Statistics, Global Alcohol Database; 2. Оценка – на основе данных Госкомстата, бюллетеня «Население и общество», № 19-20 (май 2001) <http://www.demoscope.ru>.

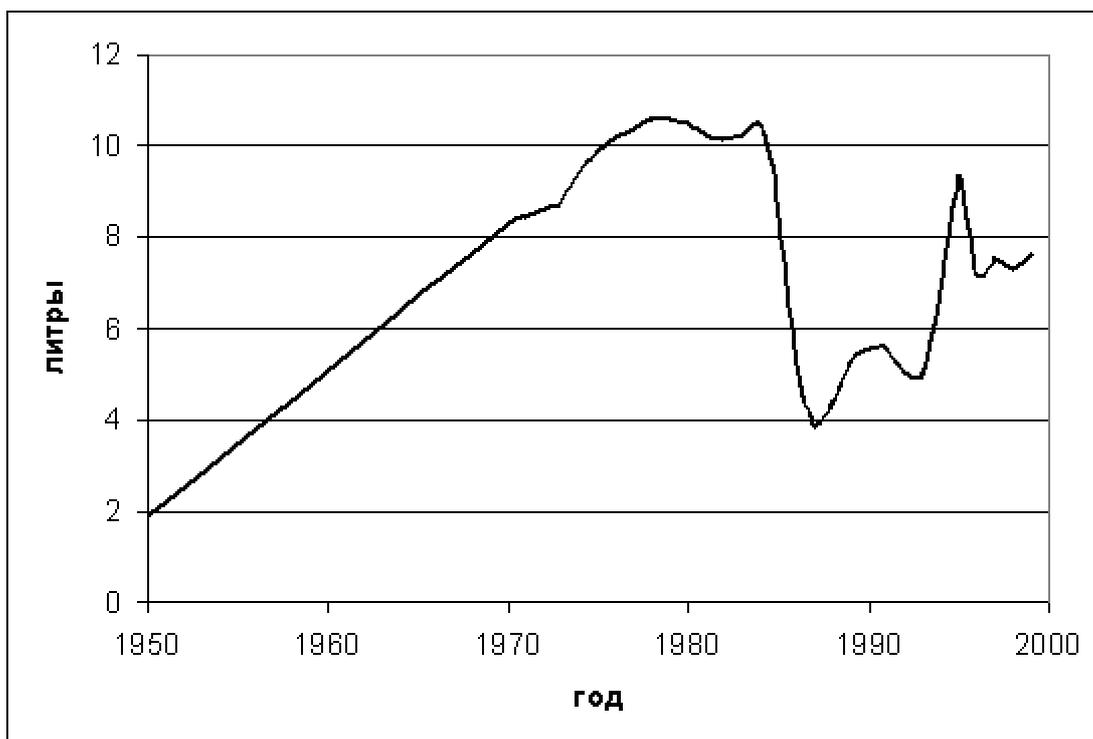
Второй фактор – специфика развития событий, связанных с алкоголизацией населения в России в XX веке. Как показывают данные *табл. 12*, по абсолютному потреблению алкоголя на душу населения показатели России близки к показателям Германии и существенно отстают от соответствующих показателей для Франции. Проблемы в этой области связаны не с количеством потребления алкоголя на душу населения, а со стилем его потребления. Сложившийся в России стиль характеризуется превалированием крепких напитков, неумеренностью, широким распространением пьянства на рабочем месте. Вместе с тем он не является российской национальной спецификой. Работы по истории алкоголизма и алкогольного поведения в Германии в XIX веке показывают сходство проблем, с которыми сталкивалась эта страна во второй половине XIX века, с теми, которые были характерны для России в XX веке [15].

В странах Северной Европы потребление алкоголя считалось совместимым с хозяйственной деятельностью в сельском производстве. Это был способ согреться. Он обеспечивал получение дополнительных калорий, социализацию. Немецкий крестьянин, попадая в середине XIX века из деревни в город и устраиваясь на завод, продолжал придерживаться традиции, усвоенной в селе. Обычай обязательного подношения учеником, поступающим на работу, бутылки водки коллективу; отказ в сотрудничестве и общении члену коллектива, который в совместных выпивках не участвует, – хорошо известные реалии немецкой жизни конца XIX века. Право пить на рабочем месте было одним из важных требований немецкого рабочего движения.

Лишь к концу XIX века, когда Германия выходит на уровень развития примерно такой же, какого достиг в 30–50 годы XX века Советский Союз, ситуация в этой области начинает меняться. Получает широкое распространение борьба и работодателей, и профсоюзов за прекращение пьянства на рабочем месте. На смену ему приходят посиделки с друзьями в пивной за заводским забором.

В Советском Союзе этого перехода не происходит. На фоне уравниловки, слабой социальной ответственности, отсутствия инициативы нормы алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальной эпохи, закрепляются. Это стало важнейшим фактором остановки роста средней продолжительности жизни и наращивания дистанции между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин. Наложение графика на данные об изменении продолжительности жизни мужчин во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов (см. *график 3*) делает очевидной связь изменения этих показателей с антиалкогольной кампанией и ее провалом (см. *табл. 13*).

Потребление алкоголя в эквиваленте чистого спирта на душу населения в России в 1950–2002 годах

Источник: 1. Демоскоп, № 19–20, 7–20 мая 2001 года: <http://www.demoscope.ru/weekly/019/tema01.php>.

2. БСЭ. М., 1950. Т. 2. С. 118, <http://optimalist.narod.ru/bro01.htm> (данные на 1950 год).

График 3

Таблица 13

Уровень продолжительности жизни (средняя продолжительность предстоящей при рождении жизни) мужчин в России в 1950–2000 годах

Годы:	Продолжительность жизни (лет)
1950-1955	60,5
1955-1960	62,5
1960-1965	63,3
1965-1970	64,5
1970-1975	63,8
1975-1980	62,7
1980-1985	62,6
1985-1990	64,9
1990-1995	60,8
1995-2000	60,2

Источник : Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp>.

Если бы на нас не оказали влияние социальные катаклизмы XX века, раннее вовлечение женщин в занятость и укоренение традиций алкогольного поведения, характерных для раннеиндустриальной эпохи, то население

России составляло бы сегодня примерно 300 миллионов человек (при условии сохранения доли России в мировом населении на уровне 1913 года).

Страны-лидеры лишь в ограниченной степени представляют себе картину своего будущего, те проблемы, с которыми они столкнутся в долгосрочной перспективе. Многие институты и установления формируются у них в одних условиях, а затем продолжают функционировать в иных, радикально изменившихся. Важнейшие структурные проблемы стран Западной Европы, Северной Америки и Японии сегодня связаны с устойчивостью систем пенсионирования, здравоохранения, образования. Эти системы формировались в условиях молодого населения, широких возможностей наращивания налоговой нагрузки, ограниченной доли соответствующих расходов в валовом внутреннем продукте. За пятьдесят лет постиндустриального развития ситуация радикально изменилась. Но проведение глубоких стратегических реформ в условиях зрелых, стабильных демократий сложно. Анализ проблем, с которыми сталкиваются страны-лидеры, для России важен не для слепого копирования сделанного. Наложение этого опыта на российские реалии позволяет начинать необходимые реформы не тогда, когда проблема уже перезрела, а на более ранних стадиях. А. Гершенкрон писал, что не только Россия, но и весь мир дорого заплатил за позднее освобождение крестьян в России [16], за то, что по времени начала современного экономического роста Россия заметно отстала от ведущих стран Западной Европы. Тем важнее воспользоваться преимуществом, которое дает ранее проторенная дорога – учиться не только на своих, но и на чужих ошибках.

---

[1] *Maddison A.*. The World Economy. A Millennial Perspective. OECD, 2001.

[2] *Kuznets S.* Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven–London: Yale University Press, 1966.

[3] *Schumpeter J. A.* Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper & Brothers Publishers, 1950.

[4] *Wagner A.* Three Extracts on Public Finance. Classics in the Theory of Public Finance. NY, 1967. P. 1–15.

[5] Разумеется, есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевшая их догнать. Самый яркий пример здесь – Япония, начавшая экономический рост практически одновременно с Россией и успевшая к 70-м годам XX века войти в группу лидеров.

[6] На это обращает внимание А. Меддисон. См. *Maddison A.* Dynamic Forces in Capitalist Development. A Long-Run Comparative View. Oxford-New York: Oxford university Press, 1991. P. 15.

[7] Его интересовал вопрос о том, как страны догоняющего развития, менее развитые, чем Голландия – Англия, и страны континентальной Европы могут внести такие изменения в систему национальных институтов и проводимую экономическую политику, которые позволили бы им достичь голландского уровня развития.

[8] *Маркс К.* Капитал. Т. I. М., 1973. Стр. 8-9.

[9] Характерный пример – работа профессора В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», оказавшая серьезное влияние на разработку плана ГОЭЛРО в Советском Союзе. В качестве одной из важнейших отправных точек автор берет анализ отличия российского топливного баланса от топливного баланса более развитых стран.

[10] Таблица 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Надо учесть, что в начале 50-х годов серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны. То же относится и к данным по России за 1950 год.

[11] *Easterly W.* The Elusive Quest for growth. Cambridge-Massachusetts-London; The MIT Press, 2000.

[12] Данные по Испании приведены, так как траектория демографического перехода здесь близка к российской.

[13] По данным ГКС РФ продолжительность жизни в России достигает своего максимума за период 50–70 годов XX века в 1965–1966 годах. См. Демографический ежегодник России. М., 2001.

[14] См.: *Захаров С.* Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // Проблемы прогнозирования, 1999. № 2. С. 114–131.

[15] *Roberts J.S.* Drink and Industrial Discipline in Nineteenth-century Germany. The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. London–New York, 1992. P. 102–124.

[16] *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge-Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press, 1962.